

рования российской государственности, неотъемлемая часть работы по демократическому совершенствованию всех сфер жизни российского общества.

Государство и общество не располагают сегодня апробированными политико-правовыми механизмами стабильного развития федеративных и национальных отношений. Сегодня жизненно важно выстроить систему государственной национальной и федеративной политики, которая могла бы обеспечить на практике единство многонационального российского народа, целостность российского государства, демократический диалог федерального Центра с народами и территориями, равноправное развитие народов и культур страны и такое местное самоуправление, которое бы несло полную ответственность перед государством, обществом и гражданами.

Библиографический список

1. *Алексеева Л. М.* Русское национальное движение / Л. М. Алексеева // История инакомыслия в СССР: Новейший период. – Вильнюс – М. : Весть, 1992.
2. *Балибар Э.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар. – М. : Логос-Альтера : Эссе Ното, 2003. – 272 с.
3. *Бызов Л. Г.* Придут ли к власти радикальные русские националисты? / Л. Г. Бызов // Вестник РАН. – 2005. – Т. 75, № 7. – С. 635–637.
4. *Грицанов А. А.* Национализм / А. А. Грицанов // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : В.М. Скакун, 1998.
5. *Дымарский В.* Национализм и модернизация / В. Дымарский // Российская газета. – 2009. – № 5060.
6. *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Д. Смит. – М. : Праксис, 2004. – 464 с.
7. *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. – М., 1997.
8. *Этнические группы* и социальные границы: Социальная организация культурных различий : сб. ст. / под ред. Ф. Барта. – М. : Новое изд-во, 2006. – 200 с.

НОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.И. Оськина
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В статье анализируются трансформационные проблемы демократии в условиях новой реальности. Определяется необходимость изменений в российской демократической системе и политической культуре для дальнейшего осуществления политической модернизации.

Annotation. The article analyzes transformation problems of democracy in the new reality. Determined the need for change in Russia's democratic system and political culture for further implementation of political modernization.

Ключевые слова: демократия, постиндустриализм, информатизация, технологии, политическая культура, патернализм, политическая модернизация.

Key words: democracy, post-industrialism, information, technology, political culture, paternalism, political modernization.

Начало XXI столетия ознаменовалось новым витком исследований по проблеме институционализации и консолидации демократии. В исследованиях, посвященных процессам трансформации, демократия часто рассматривается как режим функционирования политической системы, конституционно обеспечивающий максимально широкое представительство и участие народа в политических процессах, свободные выборы при сохранении власти закона и политической конкуренции, а также конституционные гарантии индивидуальных прав и свобод граждан. Однако данный терминологический ряд в большей степени соответствует научной парадигме ушедшего XX в., в то

время как современность демонстрирует нам динамично меняющиеся уровни и новые явления, требующие иных научных понятий, новых подходов и решений.

Аристотель рассматривал историю как циклический процесс, а поскольку все режимы в чем-то несовершенны, то это несовершенство постоянно будет подталкивать людей к изменениям. Действительно, те или иные формы демократического опыта были реализованы и продолжают совершенствоваться в ходе истории, хотя суть двух основополагающих аспектов народовластия – всенародность и самоуправление – оставалась почти неизменной, а новое не означало автоматического отказа от общих, фундаментальных принципов демократии. Сам процесс консолидации демократии анализировался в разных измерениях – конституционном, политическом, ценностном, поведенческом, социально-классовом, социально-экономическом и т.д. [11, с. 34]. К концу XX в. заметно снизилось внимание к идеологическим конструкциям «демократии советов», пролетарской, «народной» демократии, напротив, возрос интерес к различным национальным и «цивилизационным» версиям демократии, а также демократии эпохи постиндустриализма, чьи контуры просматриваются сквозь глобальный экономический кризис. И хотя в мировой политической науке отсутствует единство относительно используемых понятий и прогноза на демократическое будущее человеческой цивилизации, большинство исследователей уверены в грядущем цивилизационном расколе. Вопрос об основаниях раскола также остается открытым, не выработана общая концепция и о современных тенденциях и перспективах развития: об интеграции и универсализации мира, с одной стороны, и обособлении его отдельных частей и областей человеческой активности – с другой, есть проблемы, требующие дальнейшего изучения и конкретизации в рамках демократической теории.

О. Тоффлер утверждал, что демократии в данных обстоятельствах предстоит пережить решающее десятилетие, ведь мы находимся, считал он, в конце эпохи массовой демократии, самой распространенной ее разновидности, которую пока освоил индустриальный мир [15, с. 291]. Массовые демократии предполагают существование «масс». Они опираются и активно реагируют на массовые движения, политические партии, средства массовой информации. Важной чертой эпохи массовой демократии является огромная концентрация власти на уровне государства. Такая концентрация отражала развитие технологии массового производства и рост национальных рынков [15, с. 293]. Сегодня с появлением мелкосерийных и новых информационных технологий положение в большинстве стран западной демократии начинает меняться, но не в России. Все большее число исследователей фиксируют возрастающую социальную разнородность, увеличивающееся разнообразие стилей жизни и рост демассификации потребностей людей в так называемых передовых странах.

Новая реальность порождает новый понятийно-терминологический ряд, образуются новые структуры и ценностные системы. Правила игры и дефиниции биполярного мира и массовой демократии уходят в прошлое, а их пространство заполняется новыми опциями и информационными технологиями. «Технологии» начинают проникать во все сферы, в том числе политическую, постепенно заменяя сложившиеся образы миропорядка. Если раньше мир описывался метафорами, взятыми из классической механики, физики и химии, то для фиксации новых образующихся структур и связей все больше подходят образы и понятия информационно-технологического порядка, мир все больше выступает как сложная сетевая интернет- «паутина».

Использование новых технологий оказывает значительное влияние на статус страны: интегрирована ли она в мировое сообщество или нет, каковы степень и уровень информационно-технологического обеспечения внутреннего рынка и т.д. Информационная прозрачность и возможность движения информации сквозь границы способствует демократизации мира и отдельных стран, снижает вероятность авторитарного управления и изоляционизма, ускоряет темпы экономического развития [10].

Вместе с этим технологический разрыв способствует появлению групп стран и отдельных регионов, значительно уступающих в экономико-технологическом плане странам так называемого «золотого миллиарда». Глобальная информационно-

технологическая гонка, в которую вовлекается все большее количество стран, выдвигает в лидеры, прежде всего, страны с минимальными внутренними проблемами, адаптивной политико-демократической системой и эффективной экономикой, соответствующей информационным цивилизациям «третьей волны».

Ученые неоднократно обращали внимание политиков на явные и скрытые угрозы, которые несет в себе новый век. «Новый век... возможно, будет больше похож на пестрое и беспокойное Средневековье, чем на статичный двадцатый век, но учет уроки, извлеченные из того и другого» [2]. В концепциях С. Хантингтона (столкновение цивилизаций), О. Тоффлера (три волны и соответствующие им три формы общества – аграрное, индустриальное и постиндустриальное), И. Валлерстайна (раздел мира в зависимости от уровня социально-экономического развития – центр и периферия), А. Неклессы (образование шести пространственно-экономических зон) особо указывается на реальные и потенциальные конфликты, связанные с развитием дальнейшей дифференциации мира.

Все индустриальные страны уже столкнулись с конвергентными кризисами – кризисами всех жизненно важных систем. Однако современные политики в подавляющем большинстве одинаково реагируют на эти кризисы, проявляя лишь разные варианты старых подходов, свойственные эпохе массовой демократии. При существующей форме общественного устройства, соответствующей в большей степени массовому обществу, и при процессах, присущих информационной цивилизации, возникающие проблемы могут быть не разрешены. Можно продолжать спорить: будущее за глобализацией и унификацией или мир все больше становится фрагментативным¹, но фактически в мире продолжают господствовать государственно-центрическая модель мира и старые термины и подходы в политике. Вместе с этим реально происходящие и грядущие изменения уже сейчас меняют наши представления, ценностные системы политической культуры и внутриполитическое состояние отдельных стран, территорий и регионов. Понимание перспективности данных изменений – ключ к «правильному поведению» в новых исторических условиях.

Для России весьма остро стоит вопрос адаптации к «третьей волне» цивилизации. Темпы развития мировых держав за последние десятилетия все ускоряются, в связи с чем меняются критерии эшелонирования мирового пространства и количество выделяемых стран в тот или иной эшелон. В прежние столетия соотношение мощи государства менялось в 50 или даже 100 лет. Нынешний шаг истории, особенно в информационно-индустриальной сфере, резко сократился. Многие страны третьего мира с еще недавно замкнутой экономикой и стагнационной политической ситуацией благодаря политической и социальной модернизации в течение последних трех десятилетий превращаются в ведущие мировые державы: Китай, Индия, Бразилия.

В России в большей степени, чем где-либо, постсовременная цивилизация ведет борьбу на два фронта – с современными устоями и приверженностью давно отжившим традициям. В идеале эта историческая борьба призвана изменить наши политические институты, приведя их в соответствие с новой информационно-политической реальностью и новой экономикой, вызывающей коренную перестройку производственного процесса, информационно-культурного пространства и общественного сознания.

Однако современный политический процесс в России продолжает осуществляться в русле традиционной политической культуры прошлого, продолжая во многом основываться на фундаментальных константах, к числу которых относятся авторитарный характер власти и главенство государства в дихотомии «государство – гражданское общество». Преимущество отдается государственно-патерналистским установкам, бюрократическим структурам, осуществляющим посреднические функции между обществом и властью; обязанностям, а не гражданам и их правам. В соответствии с этим общая властная вертикаль выстраивается сверху вниз и основывается на автори-

¹ Термин американского политолога Джеймса Розенау: от англ. *fragmegrative* – совмещение фрагментации и интеграции.

тарно неограниченной власти политического лидера над «подданными» и слабыми посредническими институтами общества, не располагающими независимостью.

Из-за дефицита политической культуры, господствующей патерналистской традиции и неэффективности политических институтов в России всегда был и есть запрос на персоналии, которые, способны в экстренных случаях выступать в роли «все-российского спасателя». Социологические опросы показывают, что выборы нового Президента РФ 2000 г. сопровождалась подъемом оптимизма и надеждами на то, что он «наведет порядок» в стране. При этом патерналистские установки, остающиеся в силе до сих пор, и возделенный «порядок» представляются многим как добросовестное исполнение властными структурами своих «родительских» обязанностей по отношению к обществу [5, с. 13].

Согласно Дж. Коэн и Э. Арато, от хорошего лидера требуется то же, что требуется и от хорошего гражданина – а именно активное участие в процессе управления в качестве правящего и управляемого, а также участие в формировании общественного мнения и воли. Понятая таким образом демократия призвана нести демократическую политическую культуру не только элитам, но и всем гражданам. Именно благодаря опыту политической деятельности люди обретают представление о гражданских добродетелях, учатся мириться с инакомыслием, укрощать фундаментализм и эгоизм и вырабатывать в себе готовность идти на компромиссы. Отсюда твердое убеждение в том, что без формирования публичных пространств для активного участия граждан в процессах управления, как в качестве управляемых, так и в качестве правящих, без решительного сужения пропасти между правящими и управляемыми государственное устройство будет демократическим только номинально [8].

В реальности же мы видим, что сужения пропасти между правящими и управляемыми не наблюдается, а возрастающий разрыв в уровне жизни населения и элиты ведет к «коррозии» демократии, утрате политического единства и доверия к власти. Современная российская власть по-прежнему далека от народа, в основном ориентирована на однонаправленное взаимодействие с общественными массами и целевыми группами. Декларируемая потребность в активном диалоге власти с общественностью находит свой выход эпизодически – во внеобыденных, особых, чаще кризисных ситуациях. Предвыборные кампании, деятельность Общественной палаты и последнее обсуждение в сети закона о полиции – вот далеко не многочисленные примеры попыток установления диалога власти и общества. Социологические опросы показывают, что большая часть населения (84 %) считает, что оно не может влиять на политику и власть, фиксируется нарастание безразличия и разочарования [7, с. 6]. По данным Левада-Центра, всего 5 % населения считает, что власть опирается на общественное мнение. Позитивную оценку сохраняют, в полном соответствии с патерналистской традицией, лишь стоящие на самой вершине Д. Медведев и В. Путин [6, с. 4]. Опасность подобной ситуации состоит в возможном всплеске радикализма и протестных настроениях при дефиците поддержки, солидарности и веры в правящую элиту, в собственную страну.

Как считает английский политолог Р. Саква, незавершенная демократизация в России породила некий гибрид, соединивший демократию и авторитаризм, что было названо им «режимной системой правления». Режимная система, сузив роль парламента и судебной власти, смогла в значительной степени обезопасить себя от неожиданной электоральной борьбы и от контроля гражданских институтов [12]. Взаимодействие государства с обществом при режимной системе строится по принципу властвования и подвластности. Структурные элементы общества здесь представляют собой совокупность подданных, которых необходимо держать в рамках социального контроля со стороны государства и власть имущих. Данная ситуация не потеряла своей актуальности и сегодня, она закрепила и усилила патернализм как архетип российской культурной традиции, активизировала и гипертрофировала культурные элементы общественного поведения, которые в кризисных условиях нацелены на сплочение социума. Вместе с тем российская элита продолжает находиться в состоянии

дисфункциональности, в обществе доминирует убеждение, что элита озабочена удержанием ситуации, предоставляющей ей возможность обогащаться. Данное обстоятельство нашло отражение и понимание на высшем властном уровне: в очередном президентском Послании Федеральному собранию (от 25 апреля 2005 г.) было замечено, что часть бюрократии и элиты научилась «потреблять достигнутую стабильность в своих интересах и... использовать появившиеся у нас благополучные условия для роста не общественного, а собственного благополучия» [11]. Из-за преобладания корпоративных норм, высокого уровня коррумпированности всех структур, преобладающих эгоистических устремлений среди ценностных ориентиров элиты она не в состоянии агрегировать интересы даже активной части нарождающегося гражданского общества.

В этой связи все настойчивее высказывается мнение о том, что нынешняя система управления не соответствует задачам демократического транзита «третьей волны». По мере того как удовлетворялся запрос общества на стабильность и державность, остро необходимых России на рубеже веков, возросли новые потребности экономического, социального и политического характера, потребности в справедливости и модернизации политической системы, эффективности политических институтов [15, с. 4]. Провозглашенный политический курс на модернизацию России призван разрешить давно назревшие проблемы.

По мнению отечественных исследователей В. Лапкина и В. Пантина, можно выделить два фактора, способствующих успешной модернизации: внутренняя готовность модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные «правила игры» для основных политических акторов; желание и способность наиболее развитых стран мира оказать этому сообществу эффективную экономическую и политическую помощь, смягчив тяжесть проводимых реформ [9, с. 44].

Особенностью современного отечественного этапа цивилизационного развития и является слабость и несформированность данных факторов. С точки зрения В. Ачкасова, главным способом проведения российской модернизации является грандиозная имитация. Создается видимость полной вовлеченности социума в процессы реформ, всегда инициируемых сверху, в то время как общество в целом ни по своей структуре, ни по доминирующим настроениям не готово к навязываемым радикальным модернизационным переменам [1, с. 84].

Российское общество соответствующим образом реагирует на модернизационные импульсы, идущие сверху. Среди характерных черт можно выделить неприятие, пассивное сопротивление новациям, медленное накопление противоречий и потенциала недовольства, кризис самоидентификации, народный протест, корнями уходящий в прошлое.

Сегодня Россия является разрушающимся традиционным обществом, где отсутствует уверенность в том, что предлагаемые политической элитой цели, идентичности и стандарты поведения соответствуют требованиям современности. Мы имеем сегодня новые, демократические по форме, но слабые и пока не утвердившиеся окончательно политические и экономические институты. Кроме того, в политической культуре общества наблюдается значительный ценностный разброс. Социологи выделяют в современном российском обществе две сосуществующие ценностные модели: одна ориентирована на прозападные, демократические, тяготеющие к постиндустриальной индивидуалистской модели ценности (около 30 % населения), другая – традиционалистская или патриархально-коллективистская (35–40 %) [3, с. 498]. Хотя ценностные ориентации нового типа постепенно укрепляют свои позиции, остаются многочисленные сложности, связанные с проблемами глубины проникновения, объема и прочности укрепления и укоренения новой ценностной системы в современном российском обществе.

Складывающаяся в России новая институциональная система не гарантирует автоматического создания и стабильного функционирования демократических полити-

ческих институтов, так как без общественной поддержки они не только недемократичны, но и нежизнеспособны. Поэтому выстраиваемая «властная вертикаль» должна дополняться «общественной диагональю» – взаимодействием общественных и политических организаций, представляющих интересы различных слоев и групп [4, с. 375].

Несмотря на медлительность роста политической культура россиян, уже видны основы общества, которое в большей степени рассчитывает на эффективное функционирование политической системы и ее институтов, а не на гений «отца народов». Хотя российская политическая культура располагает сильным архетипом *царь хороший, бояре плохие*, все большее число граждан требует от власти отчета, вовлекаются в общественно-политическую деятельность и обсуждение различных государственных проектов. Это значит, что в России становится все меньше «подданных» и все больше граждан, сохраняется надежда на устойчивость демократического курса, который при наличии национальной солидарности в обществе может стать основой для успешного развития политической модернизации и вступления России в постиндустриальную эпоху в числе передовых стран.

Библиографический список

1. **Ачкасов В. А.** Россия как разрушающееся традиционное общество / В. А. Ачкасов // Полис. – 2001. – № 3.
2. **Бус К.** Вызовы незнанию: теория международных отношений перед лицом будущего / К. Бус ; под ред. проф. П. А. Цыганкова. – М. : Гардарика, 1998.
3. **Горшков М. К.** Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. / М. К. Горшков. – М., 2003.
4. **Исаев Б. А.** Политические отношения и политический процесс в современной России / Б. А. Исаев, Н. А. Баранов. – СПб. : Питер, 2008.
5. **Кертман Г. Л.** Катастрофизм в контексте российской политической культуры / Г. Л. Кертман // Полис. – 2000. – № 4.
6. **Костиков В.** В поисках живой воды / В. Костиков // АИФ. – 2010. – № 36.
7. **Костиков В.** Кто от Ленина ушел? / В. Костиков // АИФ. – 2010. – № 31.
8. **Козн Дж.** Гражданское общество и политическая теория / Дж. Козн, Э. Арато. – М., 2003.
9. **Лапкин В. В.** Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. – 2005. – № 3.
10. **Мельвиль А. Ю.** Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты / А. Ю. Мельвиль. – М., 1999.
11. **Мельвиль А. Ю.** Посткоммунистические политики и переходы «третьей волны» / А. Ю. Мельвиль // Полис. – 1999. – № 3.
12. **Режим доступа:** www.rg.ru/2005.04.26/president.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. **Саква Р.** Режимная система и гражданское общество в России / Р. Саква // Полис. – 1997. – № 1.
14. **Соловьев А. И.** Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А. И. Соловьев // Полис. – 1996. – № 6.
15. **Тоффлер О.** Метаморфозы власти / О. Тоффлер. – М. : АСТ, 2004.
16. **Ципко А.** Эра пофигизма / А. Ципко // АИФ. – 2010. – № 31.